

DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-45-58

УДК 339.72(045)

JEL F33

Вопросы военно-политического влияния на портфель мировых резервных валют

М.Ю. Алексеев^а ✉, П.А. Коляндра^б, Б.М. Ческидов^с^{а,с} Финансовый университет, Москва, Россия;^б МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

✉ Автор для корреспонденции

АННОТАЦИЯ

Авторы критически анализируют представленную в работе В. Eichengreen, А. J. Mehl, L. Chitu «Марс или Меркурий? Геополитика международного выбора резервных валют» новую концепцию, согласно которой обладание государством ядерным оружием увязано с наличием у него резервной валюты. **Цель** исследования – более точно оценить зависимость обретения национальной валютой статуса резервной от военно-политического потенциала государства-эмитента. **Методом** исследования выступает анализ исторического материала, а также современного состояния рассматриваемого вопроса. Показана связь между мировым военно-политическим лидерством и контролем за глобальной финансовой инфраструктурой, которая усиливает свою значимость как пространство межгосударственного противоборства. Доказано, что ни наличие военной мощи, ни способность и готовность предоставлять партнерам гарантии безопасности не определяют обретение национальной валютой статуса резервной. Этот статус обретается в результате контроля за глобальными инвестиционными процессами, в осуществлении которого военная мощь действительно играет существенную, но не исключительную роль. Эта мощь как потенция экономического и финансового доминирования является производной от масштабов и уровня развития национальной экономики при ключевом факторе ее глубокой вовлеченности в международную торговлю. С точки зрения практического прогнозирования развития экономической и военно-политической ситуации сделан **вывод**, что в обозримой перспективе, невзирая на усиление своего военного потенциала, КНР не сможет и, вероятнее всего, не будет пытаться существенно повысить статус юаня до уровня резервной валюты. США, в свою очередь, будут еще активнее использовать свое доминирование на рынке капитала и контроль за мировой финансовой инфраструктурой как инструмент сохранения глобального лидерства. Дальнейшие исследования рассмотренной проблематики позволят существенно повысить эффективность прогнозирования экономических процессов в их взаимосвязи с военно-политической обстановкой.

Ключевые слова: резервная валюта; издержки на финансирование бюджетного дефицита; мировая торговля; глобальная финансовая инфраструктура; экономическое и военно-политическое доминирование; ядерное оружие; гипотеза Марса; гипотеза Меркурия; гипотеза Афины

Для цитирования: Алексеев М.Ю., Коляндра П.А., Ческидов Б.М. Вопросы военно-политического влияния на портфель мировых резервных валют. *Финансы: теория и практика*. 2021;25(5):45-58. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-5-45-58

Military and Political Influence on the Portfolio of Global Reserve Currencies

M. Y. Alekseev^а ✉, P. A. Kolyandra^б, B. M. Cheskidov^с^{а,с} Financial University, Moscow, Russia;^б Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

✉ Corresponding author

ABSTRACT

This paper analyses a new concept presented in the works of В. Eichengreen, А. J. Mehl, L. Chitu “Mars or Mercury? The Geopolitics of International Currency Choice”, according to which the state’s possession of nuclear weapons is linked to its possession of reserve currency. The paper **aims** to provide a detailed assessment of how gaining reserve currency status depends on the military and political potential of the state issuer. The research **method** is an analysis of the historical material and the current state of the issue under discussion. The study shows the relationship between the global military and political leadership and control over the global financial infrastructure, which increases its importance

as a space for interstate conflicts. It has been proven that neither the presence of military power nor the ability and willingness to provide partners with security guarantees do not predetermine the acquisition of the reserve status by the national currency. This status is acquired as a result of control over global investment processes, in the implementation of which military power plays a significant, but not exclusive role. This power, as the potential for economic and financial dominance, is a derivative of the scale and level of development of the national economy, with a key factor in its deep involvement in international trade. From the point of view of practical forecasting of economic, military and political development, the authors **conclude** that in the foreseeable future, despite the strengthening of its military potential, the PRC will not be able and, most likely, will not try to obtain the status of the yuan as a reserve currency. The United States, in turn, will increasingly use its dominance in the capital market and control over the global financial infrastructure as a tool to maintain global leadership. Further study of the considered issues will significantly increase the efficiency of forecasting economic processes in relation to the military and political situation.

Keywords: reserve currency; the cost of financing the budget deficit; international trade; global financial infrastructure; economic, military and political domination; nuclear weapon; “Mars hypothesis”; “Mercury hypothesis”; “Athena hypothesis”

For citation: Alekseev M. Yu., Kolyandra P.A., Cheskidov B.M. Military and political influence on the portfolio of global reserve currencies. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(5):45-58. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-5-45-58

ВВЕДЕНИЕ

Работа В. Eichengreen, А. J. Mehl, L. Chitu «Марс или Меркурий? Геополитика международного выбора резервных валют», подготовленная в Национальном бюро экономических исследований [1], является особенно ценной и актуальной в сегодняшней ситуации одновременного многостороннего обострения противоречий между государствами. В части, касающейся оценок резервов на длительном временном интервале и состоянии международной торговли, собранный указанными авторами материал более чем полон. Однако в оценке военно-политического взаимодействия и связанных с ними процессов движения капитала и международной торговли они демонстрируют ограниченность привлекаемых данных и отсутствие опыта экономического анализа подобного рода проблематики. Компенсация подобной неполноты, хочется надеяться, позволит более точно оценить зависимость обретения национальной валютой статуса резервной от военно-политического потенциала государства-эмитента.

НЕПОЛНОТА ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ссылка на наличие ядерного оружия как фактора, обеспечивающего большую безопасность и, как следствие, облегчающего выбор резервной валюты, наталкивается на неполноту приведенного В. Eichengreen, А. J. Mehl, L. Chitu списка государств, относительно которых невозможно однозначно атрибутировать наличие ракетно-ядерного потенциала с теснотой экономических связей с США. Такие страны, как ФРГ, Япония и Саудовская Аравия, действительно не имеют ядерного оружия, однако для первых двух стран рынок США имеет важнейшее значение, а Саудовская Аравия изначально искала

рынки для размещения своих гигантских финансовых активов, что подразумевало обращение именно к крупнейшему из таких рынков — США. Впрочем, куда более спорным данный тезис делает приводимый авторами список стран в связи с меняющимися факторами, воздействующими на их безопасность. Хронологически разрыв между анализируемыми данными именно с военно-политической точки зрения слишком велик — между 2004 г. (данные для Великобритании) и 2016 г. (данные для России) пролегла целая эпоха, в том числе и в отношениях этих двух держав, непосредственно влияющих и на их безопасность, и на их экономическую (включая торговую и финансовую) политику.

Сама по себе оценка ядерного потенциала как единой константы для всех рассмотренных государств очевидным образом не отражает реальной ситуации с обеспечением безопасности, в том числе и на базе независимого ракетно-ядерного потенциала. Великобритания, хотя и является ядерной державой, выступает одновременно ближайшим военным союзником США и критически зависит от них в производстве как термоядерных зарядов, так и их носителей. То есть в рейтинге ядерных держав она обладает наименьшей самостоятельностью, что должно было бы выдвинуть ее на первое место с точки зрения доли доллара США в резервах, однако на практике она находится на последнем месте.

Ракетно-ядерная программа Израиля самостоятельна, однако его зависимость в обеспечении безопасности от США как в области предоставления льготных займов для закупки произведенных в США ВВТ, так и в прямых гарантиях безопасности очень велика и не может быть по причине малого размера территории государства компенсирована только за счет обладания ракетно-ядерным оружием.

Индия не является формальным союзником США, однако по состоянию на анализируемый авторами применительно к этой стране 2015 г. быстро сближалась с Вашингтоном в сфере безопасности. Отношения в военно-политическом плане США с КНР в 2008 г. были достаточно настороженными, с РФ в 2016 г. — откровенно недружественными.

Исходя из предложенной авторами концепции зависимости выбора валюты резервирования от страны — гаранта безопасности, чем менее зависима страна от гарантий безопасности США, тем меньше доля валюты страны-гаранта в ее резервах. В соответствии с этим рейтинг для «ядерных» государств должен был бы выглядеть следующим образом (в порядке убывания зависимости):

- Великобритания.
- Израиль.
- Индия.
- КНР.
- РФ.

Но в приведенном авторами графике он выглядит иначе (в порядке убывания доли валюты США в резервах), что не позволяет выявить корреляции двух факторов:

- Израиль.
- Индия.
- КНР.
- РФ.
- Великобритания.

Очень близкие показатели по доли доллара в резервах РФ и Великобритании, а также КНР и Индии при совершенно несопоставимом уровне их военно-политических противоречий с США делают гипотезу о роли ядерного оружия уязвимой. Следует также принять во внимание отсутствие данных по таким ядерным державам, как Франция (на это авторы указывают) и Пакистан (о нем они умалчивают).

Неядерные державы более однородны, поскольку роль США в обеспечении их безопасности также ключевая. Однако и тут авторы сталкиваются с проблемой анахронизма своих данных. Так, они утверждают, что США изначально гарантировали безопасность ФРГ против СССР, а Японии — против КНР. Для 2006 и 2004 гг., данные которых приведены авторами, это действительно так, однако вплоть до распада СССР именно он рассматривался как основная угроза для Японии и самой этой страной, и США. КНР же не обладала потенциалом и основанием для вторжения на Японские острова.

В то же время с 1987 по 2014 г. сама по себе ФРГ не рассматривала угрозу со стороны РФ как сколько-нибудь реальную не только для себя, но и для

стабильности своих союзников и партнеров. Угроза для Южной Кореи (со стороны КНДР) и Тайваня (со стороны КНР) выступает как постоянная и очень серьезная. Угроза в отношении Саудовской Аравии имеет куда меньше возможностей, с учетом потенциала Исламской Республики Иран (ИРИ), перерасти в открытый полномасштабный военный конфликт. Таким образом, если бы объем резервирования в валюте страны-гаранта (США) прямо зависел от роли этой страны в обеспечении безопасности, список неядерных государств выглядел бы в порядке убывания зависимости в обеспечении безопасности, следующим образом:

- Тайвань.
- Ю. Корея.
- Япония.
- Саудовская Аравия.
- ФРГ¹.

У авторов же список выглядит так (в порядке убывания доли доллара в резервах):

- Саудовская Аравия.
- ФРГ.
- Тайвань.
- Япония.
- Ю. Корея.

Как видим, и здесь корреляции не наблюдается, скорее, напротив. То есть и с точки зрения роли эмитента резервной валюты в обеспечении безопасности гипотеза также выглядит неубедительно. Ранжирование роли США в торговле рассматриваемых государств, на наш взгляд, увязывается с выбором резервной валюты более очевидно.

Касательно выбора валют, условно претендующих на статус резервных накануне Первой мировой войны, упомянуты валюты ведущих государств Антанты (кроме России), Германии и Голландии. Последняя оставалась нейтральной и, что особенно важно, существенного военного веса не имела. Ее нейтралитет обеспечил благополучие голландской экономики и крепость ее валюты *после* войны, но *в канун* ее он весил не более, чем нейтралитет Бельгии и Люксембурга, который Германией был нарушен в первые же часы боевых действий. Более того, во время следующей мировой войны Голландия разделила судьбу Бельгии, хотя и тогда она рассчитывала на сохранение своего нейтралитета. Таким образом, выбор голландского гульдена неочевиден — с военно-политической точки зрения неизмеримо больший военный вес из числа воюющих держав имели

¹ Саудовская Аравия и Япония могут поменяться местами в том случае, если оценивать не потенциал возможного противника, а вероятность обострения отношений с ним.

(в порядке убывания) Россия, Австро-Венгрия, Италия и Турция. Из числа нейтральных — Швейцария и Швеция, которые действительно могли обеспечить свой нейтралитет и обеспечили его во время обеих мировых войн. Таким образом, голландский гульден может выступать в качестве элемента сравнения применительно к «гипотезе Меркурия», но не «гипотезе Марса», в то время как задачей исследования является именно сопоставление обеих гипотез.

Вообще подбор анализируемых стран с точки зрения и экономических, и политических реалий кануна Первой мировой войны сомнителен. Из числа доминионов Австралия и Канада действительно обладали заметной экономической самостоятельностью, причем Канада уже отчетливо проявляла тенденцию перехода в сферу экономического влияния США. С военной точки зрения силы доминионов были невелики. Однако Индия, Индонезия, Шри-Ланка были полноценными колониями. Ниже будет показано, что ключевое значение для формирования военно-политических союзов того времени играла не столько сама по себе международная торговля, сколько движение капитала. Великобритания лидировала в этом процессе и с 1870 по 1914 г. инвестировала за границей почти половину своих внутренних сбережений, проценты и дивиденды от которых достигли 1/10 величины ее национального дохода. При этом отношение британских инвестиций на территории империи (включая формально независимый Египет) к инвестициям в прочие страны составляло примерно 6 к 5 [2, с. 243]. Очевидно, что при таком массированном притоке капитала, номинированного в фунтах стерлингов, резервы колоний в полной мере, а доминионов — в различной степени — формировались в конечном итоге на основе политики метрополии, которая определяла и их внешнеторговую активность.

То же касается являвшейся частью Российской империи Финляндии. Филиппины на анализируемом временном интервале перестали быть колонией Испании и, формально обретя независимость, фактически оставались протекторатом США. Даже Норвегия до середины рассматриваемого интервала времени оставалась в унии со Швецией. При практикуемом авторами подходе они должны были бы отдельно рассмотреть Австрию и Венгрию (как части двуединой монархии) и, возможно, Чехию.

Итак, из 19 рассматриваемых стран 6 вообще не могут учитываться в «гипотезе Марса» (не имея самостоятельного военного потенциала, но укрепляя потенциал метрополии) и в разной степени, но лишь частично могут учитываться в «гипотезе Меркурия» (не обладая суверенной экономической,

и в особенности — финансовой политикой). Если добавить к их числу два доминиона, то число нерепрезентативных территорий (не являвшихся в той или иной мере субъектами политики) возрастает до 7. Что касается Бразилии и Чили, то они интересов в Первой мировой войне не имели.

Из числа остающихся 10 государств присоединение Японии к Антанте предопределялось именно «гипотезой Марса», поскольку военно-морской флот страны в значительной степени комплектовался за счет кораблей постройки Великобритании и США. Помимо этого, Япония не имела интересов в Европе, где располагался главный театр боевых действий, и обоснованно могла рассчитывать легко захватить изолированные германские колонии в Китае (что она с успехом и осуществила). Военные усилия Японии в конечном итоге остались самыми незначительными.

В итоге из приведенного списка *самостоятельное* влияние на ход Первой мировой войны могли оказать Австрия (точнее Австро-Венгрия), Германия (как державы Оси); Россия, Италия, Румыния и Греция (как державы Антанты); Швеция, Норвегия и Швейцария (как нейтральные державы). Выбор очевидным образом неполон с точки зрения значимости государств для военно-политической ситуации кануна и периода Первой мировой войны (в первую очередь за счет отсутствия ее важных участников — Сербии, Бельгии и Турции, а также игравшей существенную экономическую роль нейтральной Дании). Не менее нелогичен он и с точки зрения вопроса гарантирования безопасности (как влияющего на выбор резервной валюты). Для колоний и протекторатов он был предопределен и выбором как таковым не являлся. Япония имела серьезные договорные гарантии со стороны Великобритании, но до самого кануна войны не имела их со стороны прочих крупных держав Антанты. Более того, отношения с Россией были очень осложнены относительно недавней войной 1905 г. Гарантии Австро-Венгрии и Германии были взаимными, хотя превосходство (и экономическое, и военное) последней было заметным, вплоть до 1916 г. роль Вены в военных планах союзников была самостоятельной. Италия накануне войны имела гарантии отнюдь не со стороны Антанты, а со стороны Оси, формальным членом которой являлась, и ее вступление в войну в 1915 г. рассматривалось в Вене и Берлине как измена своим обязательствам. Румыния не вошла в Тройственный союз² только

² Указывая, что она была его формальным, пусть и тайным членом, авторы не вполне правы, применительно к Румынии существовала система отдельных двусторонних соглашений.

потому, что это посчитал излишним Бисмарк, однако по соглашению 1889 г. (продленному в 1892 г. и расширенному в 1900 г.) находилась в союзе с Австро-Венгрией, к которому Германия присоединилась отдельным актом.

Греция присоединилась к Антанте в июне 1917 г., но фактически это было стремление вскочить на подножку уходящего поезда и реализовать территориальные претензии к ослабевшей Турции. К тому времени если и не поражение, то невозможность победы Оси стала уже прорисовываться вполне ясно.

Норвегия, хотя и не вступила в войну, но фактически выступала невоюющим союзником Великобритании по причине уязвимости для британского флота и зависимости от экспорта в Великобританию.

Швеция испытывала некоторые прогерманские колебания в начале войны, но достаточно быстро сделала выбор в пользу нейтралитета. У Швейцарии относительно нейтралитета не было даже колебаний. Из этих нейтральных стран некоторые гарантии в ходе войны получила только Норвегия. Вообще же внешняя и оборонная политика трех скандинавских стран накануне Первой мировой войны с точностью повторяла состояние их инвестиционного рынка. Опираясь на внешние инвестиции Дания металась между Осью и Антантой, совершенно не помышляя о возможности сопротивления потенциальной агрессии. Норвегия, в которой внешние инвестиции играли важную роль, опиралась на сильного союзника, рассчитывая с его помощью отразить попытку агрессии, если такая будет иметь место. Швеция, где иностранные инвестиции были незначительны, опиралась на собственные силы и готовилась сыграть в будущем конфликте самостоятельную роль.

Применительно к анализируемым странам фунт стерлингов, если исходить из позиции авторов, должен был бы доминировать чисто количественно, поскольку из общего их числа 4 упомянутые территории находились под прямым политическим управлением Великобритании (хотя и с очень разной степенью автономности), и лишь по одной — под управлением Нидерландов, США (формально независимые Филиппины), Швеции (Норвегия до 1905 г.) и России (Финляндия до 1918 г.). Территории из этого списка, контролируемые Великобританией, неизмеримо превосходили контролируемые прочими упомянутыми странами по численности населения, площади и объему производства. При этом валюты России и Швеции авторами как резервные не рассматриваются. Вероятно, если бы в перечень были включены еще имевшиеся тогда у Германии и в изобилии имевшиеся у Франции заморские территории, картина, нарисованная ав-

торами, изменилась бы. Авторы и сами указывают на значение колониального статуса для выбора резервной валюты, но здесь сомнение вызывают сами понятия выбора и резерва — выбор был очевидно несвободен, а цели резервирования принципиально иными, нежели у суверенных государств. Точно так же иными были и функции, выполняемые органами колониального управления, отвечающими за финансовое регулирование.

Тем не менее огромная заслуга и наблюдательность авторов заключается в выборе для анализа именно периода, предшествовавшего Первой мировой войны. Этот период демонстрирует прямую зависимость военно-политических союзов от международного движения капитала, однако не с точки зрения выбора резервной валюты или международной торговли вообще, а с точки зрения предоставления государственных займов и международной торговли ВВТ.

ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЮЗОВ

Непосредственная связь государственных заимствований с формированием военно-политических союзов накануне Первой мировой войны особенно заметна на примере Франции, выступившей центром кристаллизации Антанты, фактически сформировавшейся из двух заключенных Парижем соглашений — с Россией и Великобританией, лишь затем оформленных в общий союз. Его формирование сильно облегчалось особым положением, которое занимала Франция на рынке международных заимствований. Весьма характерно, что это лидерство в конечном итоге приводило и к милитаризации национальной экономики, и к относительному отставанию развития промышленности. В 1872 г. Франция вывезла капиталов на сумму 10–12 млрд фр., в 1900 г. — на 30 млрд в 1914 г. — на 60 млрд т.е. вывоз капитала возрос в 6 раз, в то время как промышленной продукции — в 3 раза [3, с. 518]. По данным 1908 г., во французскую промышленность и торговлю было вложено 9,5 млрд фр., а в облигации и прочие иностранные фондовые ценности — 10,4 млрд фр., т.е. в 10 раз больше. При этом, принимая военные расходы Франции в 1913 г. на душу населения за 100%, для Великобритании этот показатель составит 82%; Германии — 72%; Италии — 40%; Австро-Венгрии — 22%; России — 32% [3, с. 341]. Если, как отмечалось выше, британские инвестиции носили в основном производственный характер, то французские прямо ориентировались на государственный долг. В 1902 г. 55% помещенных за границей французских капиталов

было вложено в государственный и муниципальные займы и лишь 25% оказались помещенными в промышленность и транспорт иностранных государств (при этом на Россию падало 40% капиталовложений Франции в Европе) [3, с. 519]. Несомненно, главным стимулом в военных приготовлениях Франции было стремление к реваншу по итогам франко-прусской войны и опасения (которые мотивировали и ее будущих союзников) укрепления германской мощи, однако именно исключительная возможность, в том числе инфраструктурная, в предоставлении государственных займов поставила Париж в центр будущей коалиции.

Уже само начало формирования в Европе двух противостоящих коалиций было напрямую связано не просто с торговыми противоречиями, но и с прямым государственным давлением на возможность заимствования партнера по переговорам. Так, известное под названием «договора перестрелки» соглашение России и Германии, заключенное в июне 1887 г. и предусматривающее трехлетний взаимный нейтралитет (за исключением случаев агрессии против Австро-Венгрии и Франции), не было продлено и не переросло в союз во многом потому, что наибольшее раздражение в России вызвали вовсе не откровенно провокационные попытки подтолкнуть Петербург к войне с Великобританией за черноморские проливы, а «совет» Бисмарка германским банкам разгрузиться от русских ценностей, мотивированный неустойчивым характером русских финансов. Финансовый нажим Бисмарка не только не достиг цели, но и имел прямо противоположный результат — русское правительство обратилось за поддержкой к Франции, и в 1888 г. французские банки предоставили России первый заем на сумму в 200 млн фр. Укрепление франко-русского союза сопровождалось грандиозной операцией 1888–1889 гг. по конверсии на парижском денежном рынке русского государственного долга [4, с. 97]. И когда на начальном этапе русское правительство проявило колебания, французские Ротшильды немедленно отказали ему в кредите. На Парижской бирже также было размещено 75% государственных займов Сербии, Болгарии, Румынии и Греции [3, с. 520]. Из четырех указанных стран три, не взирая на колебания, в конечном итоге оказались в составе Антанты, Россия же наряду с Францией стали первыми участниками данного блока на этапе его формирования³. В 1913 г. на совещании генеральных штабов предста-

вители Франции заявили, что русское правительство может совершать на Парижской бирже ежегодные займы только на условиях немедленного начала строительства стратегических железнодорожных линий [5, с. 309].

Формирование союза вокруг Германии также прямо сопровождалось резким ростом экспансии немецкого капитала. Вслед за германской военной миссией, направленной для реорганизации турецкой армии, в 1880 г. в Турцию стал проникать и германский капитал. В 1888 г. немецкие банки получили концессию на строительство Анатолийской железной дороги протяженностью 500 км (эта ветка явилась началом знаменитой Багдадской железной дороги, сооружение которой окончательно привязало Турцию к Германии) [6, с. 428]. Тем не менее потенциал Германии существенно уступал возможностям ее будущих противников — в 1914 г. германские зарубежные инвестиции составляли уже 35 млрд марок — это половина соответствующего показателя для Великобритании и 2/3 для Франции [7, с. 86], что и предопределило, невзирая на дипломатические успехи, постепенное сокращение числа ее будущих союзников.

Хотя Италия изначально была открытым членом Тройственного союза, постепенно именно экономическое, более того, в первую очередь финансовое давление Великобритании и Франции вынудило ее изменить позицию. Поскольку итальянская экономика в значительной степени зависела от импорта (в частности, ввозилось до 25% потребляемого сырья и почти весь уголь), Великобритания довольно быстро продемонстрировала Италии отсутствие у нее выбора, всего на несколько недель прекратив экспорт на Апеннины угля, что вызвало коллапс промышленности, банковскую панику и рост цен [8, с. 421]. Инструкция французскому послу в Риме от министра иностранных дел Рибо содержит прямое указание на неразрывную связь межгосударственных заимствований того времени с формированием военно-политических союзов: «Наша политика заключается в том, чтобы быть любезным с Италией, не задевая ее, но вместе с тем не предоставлять ей никаких займов до тех пор, пока она не убедится в бесплодности своего союза с Германией и Австро-Венгрией»⁴.

Отдельно следует остановиться на положении накануне Первой мировой войны России, поскольку именно для нее наблюдалось серьезнейшее противоречие между уровнем военной мощи и обеспеченностью капиталом. Зависимость военно-политического курса Петербурга от внешнего финансирования про-

³ Хотя само это название (от фр. — сердечное согласие) первоначально имело англо-французское соглашение 1904 г. заключенное, впрочем, позже франко-русского.

⁴ Documents diplomatiques français, série I, Vol. VIII, No. 183.

явилась уже в 1905 г., когда Германия, воспользовавшись обострением русско-английских отношений, попыталась отколоть Россию от Антанты и заключить с ней военный союз. И хотя навязать России куда более выгодный торговый договор Германия сумела, заключение союза, за который очень выступал лично Николай II, было отклонено в результате представленного в самый момент переговоров на высочайшее имя доклада министра финансов Коковцева [9, с. 605]. В нем указывалось, что использование трех доступных России денежных рынков — парижского, берлинского и амстердамского — позволит на протяжении 1905 г. занять до 500 млн руб., что покроет потребности 8 месяцев войны. Из них берлинский рынок мог дать 231 млн руб., на которые уже начал реализовываться заем (полученные средства мелкими долями поступали на протяжении всего следующего года). Оставшиеся 270 млн можно было получить только в Париже. При этом обыкновенный бюджет был запланирован с дефицитом 400 млн руб. На все попытки сближения с Германией Париж отвечал ударами по русским финансам, а заключение вышеуказанного торгового договора немедленно компенсировал соглашением о передаче русских военных заказов Франции, причем исполнялись они по ценам выше немецких.

В 1900 г. из 1736,8 млн руб. русского акционерного капитала на долю иностранных инвесторов приходилось 911 млн руб. Из всей суммы иностранных капиталов, вложенных в российскую промышленность, на долю бельгийских, французских и британских (т.е. стран Антанты) приходилось 660,7 млн руб., германских — 97,9 млн руб. [5, с. 170]. Капитал стран Антанты концентрировался в стратегических отраслях промышленности — горно-металлургической и нефтяной.

Вышеприведенные цифры очень хорошо объясняют и колебания России между Германией, к которой ее подталкивали династические соображения и личные симпатии императора Николая II, а также весьма заметные интересы как экспортеров, так и импортеров промышленной и сельскохозяйственной продукции, и Францией, к которой ее подталкивали в первую очередь интересы импорта капитала, главным образом — в виде государственных займов. Объясняют эти цифры и конечный выбор Петербурга. Германия могла поставить в Россию любую потребную ей продукцию — потребительские товары, машины, оборудование, ВВТ, могла закупать значительную часть российского сырья, в котором нуждалась в куда большей степени, чем обладавшие обширными империями Франция и особенно — Великобритания. Но финансировать российский государственный долг в потребном объеме Германия,

сама испытывающая (правда — по иным причинам) относительную нехватку капитала, не могла физически. Это заставляет под несколько иным углом, нежели авторы, взглянуть и на гипотезу Марса, и на гипотезу Меркурия.

Отдельно следует упомянуть США, чье присоединение к Антанте⁵ окончательно лишило Германию не только надежд на победу, но и возможности заключить мир на основе довоенного статус-кво. США не были до Первой мировой войны крупным экспортером капитала, а их инвестиционное присутствие в Европе было ничтожным. Если британские иностранные инвестиции составляли 20 млрд долл. США, французские — 10 млрд долл., германские — 5 млрд долл., то американские — всего 500 млн долл. Из них более 88% приходилось на страны Американского континента (в основном — Канаду и Мексику), а на Европу (без России) — только 2%, т.е. лишь в 2 раза больше, чем на Японию и Китай вместе взятые [10, с. 566]. Но это отнюдь не опровергает выдвинутые нами выше предположения о ключевой роли государственных займов и в процессе формирования военно-политических союзов, и в получении национальной валютой статуса резервной. Не являясь крупным экспортером капитала, США до Первой мировой войны были его крупным импортером. К 1899 г. иностранные инвестиции в экономику США достигали 3,3 млрд долл., из которых 2,5 млрд приходилось на британские банки [10, с. 566]. То есть так же, как Петербург подталкивали к Парижу государственные займы, Вашингтон подталкивали к Лондону частные инвестиции. В ходе войны ситуация менялась, и США стали превращаться в кредитора и поставщика Антанты (поскольку доставка грузов в Германию потребовала бы бросить вызов осуществлявшим ее блокаду превосходящим силам британского флота, а также предпочесть менее платежеспособного партнера). Всего за период американского нейтралитета Великобритания, Франция, Италия и Россия получили от США порядка 2 млрд долл., а Германия — 20 млн долл. [10, с. 566]. В данном случае, как видим, движение капитала так же, как и применительно к России, полностью объясняет выбор военно-политического союза. Однако иной характер межгосударственных экономических отношений приводит к тому, что при меньшем сугубо военном потенциале США получают несравненно более высокий, чем в случае России, статус национальной валюты как резервной.

Из перечисленного выше видно, что гарантии безопасности очень мало предопределяли выбор

⁵ Формальным членом этого соглашения США не были, выступая лишь союзником стран-участников.

резервной валюты. Скорее, напротив. В стремлении обеспечить гарантии безопасности путем формирования военно-политических союзов обладавшие значительными капиталами государства (особенно в том случае, если их инфраструктура была ориентирована на экспорт капитала со специализацией на вложения в иностранный государственный долг) предоставляли займы в своей валюте странам, которые они по сугубо военным соображениям стремились вовлечь в союз. В результате необходимости обслуживать эти займы формировались предпосылки для накопления такой валюты в качестве резервной. В случае, если устраняется игнорирование фактора межгосударственного движения капитала, и в особенности внешнего финансирования государственного долга, в значительной своей части идущего на военные приготовления, «гипотеза Марса» именно накануне Первой мировой войны находит отчетливые доказательства.

При анализе статистического материала В. Eichengreen, А. J. Mehl, L. Chitu очень близко подошли к данному фактору. Они совершенно справедливо отмечают увеличение доли французского франка, особенно в резервах России при сохранении стабильности доли немецкой марки. Отмечен ими и максимум роли фунта стерлинга в начале последнего десятилетия XIX в. Однако авторы констатируют невозможность определить, является ли подобная ситуация следствием экономических или политических факторов. На практике, как было показано выше на примере исторического материала, факторы эти поддаются выявлению и являются экономическими (поскольку в те времена государственные займы на льготных условиях почти не предоставлялись), но мотивированными политически. Таким образом, авторы фактически сами приводят данные, подтверждающие роль международного движения капитала в формировании статуса резервной валюты, которое именно в рассматриваемый ими период приобретало характер государственных займов в валюте кредитора, за счет которых обеспечивалась форсированная подготовка к войне в рамках формирующихся военных союзов.

Точно так же при расчете экономических обоснований «гипотезы Меркурия» авторы, хотя и не игнорируют межгосударственные заимствования и иностранные инвестиции, но слабо увязывают их с собственно нуждами военного строительства. Прямо говоря о связи военных союзов и заимствований, авторы не конкретизируют цели такого заимствования, а также фактически разделяют межгосударственные кредиты и частные инвестиции, которые на практике тесно связаны, особенно в предвоенный

период, когда инвестор сталкивается с реальной угрозой как минимум замораживания доступа к своей собственности во враждебном государстве. Кроме того, не учтена особенно заметная именно в период, предшествующий мировым войнам и промежутку между ними, особенная инвестиционная привлекательность для частного капитала инвестиций в ВПК, поддерживаемая государством и как заказчиком продукции, и как инвестором. Между тем если даже сегодня поставки вооружений, особенно менее экономически развитым странам, часто осуществляются за счет выданных на самых льготных условиях кредитов страны — производителя ВВТ, то в период, предшествующий Первой мировой войне, ситуация выглядела иначе. Льготным кредитование можно было назвать весьма условно, а связанность кредита с закупкой конкретных видов вооружений существовала скорее на уровне соглашений, нежели формальных контрактов. Очень запутанной была атрибуция кредиторов как государственных и частных. Например, после Октябрьской революции и отказа большевиков от оплаты внешних долгов, а затем на этапе восстановления дипломатических отношений с Францией и погашения части из них, выяснилось, что многие французские инвесторы, искренне полагая, что выступают кредиторами императорского правительства, на практике приобретали облигации частных эмитентов. Поэтому при учете движения капитала отнесение его сугубо на счет поддержки «гипотезы Меркурия» именно для рассматриваемого периода наименее обоснованно и запутывается как довоенным наличием металлического стандарта, так и вызванной войной инфляцией и полным отказом проигравших ее государств (в том числе России) от своих обязательств.

КОРРЕЛЯЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА С СОЮЗНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ КАК ОБОСНОВАНИЕ КРИТЕРИЯ ВЫБОРА РЕЗЕРВНОЙ ВАЛЮТЫ

В рамках математического анализа «гипотезы Марса» крайне уязвимой выглядит количественная оценка дипломатического представительства как коррелирующегося с союзническими отношениями. Такая концепция не является верной сегодня, тем более неверна она была на рубеже XIX–XX вв., когда уровень дипломатических контактов во многом еще нес на себе отголосок старых династических отношений. Уровень и масштаб дипломатического представительства регулировались традицией, в том числе и основанной на феодалной иерархии. Представительство при дворе

монарха не могло быть меньше определенного уровня при любых обстоятельствах (кроме полного разрыва отношений) и, более того, оно должно было возглавляться человеком, чей статус позволял ему быть допущенному ко двору и принятому там с уважением, диктуемым не только его дипломатическим рангом, но и происхождением (даже если дипломат представлял республику). В итоге взаимное дипломатическое представительство ведущих европейских государств было, как и сегодня, основано на принципах «зеркальности».

Что касается как оформления, так и поддержания союзных отношений (уровень которых собственно и анализируют авторы), то эта деятельность главным образом осуществлялась отдельными делегациями, поскольку дипломатические представительства не обладали ни соответствующими полномочиями, ни квалифицированным персоналом в достаточном количестве. В качестве примера достаточно привести визит в Петербург заместителя начальника французского генерального штаба, во время которого и состоялось подписание проекта военной конвенции военными представителями двух стран. Постоянное французское дипломатическое представительство занималось только техническим обеспечением этих переговоров, а в дальнейшем — техническим оформлением соглашений [4, с. 105]. Из этого следует, что уровень дипломатического представительства как индикатор тесноты союзнических связей применительно к тому историческому, хотя и тщательно проанализированный авторами, на конечный вывод по исследуемому вопросу влиять не может.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ЭЙХЕГРИНА, МЕЛЯ И ЧИТУ

Основной вывод авторов состоит в том, что доминирование доллара США в качестве мировой резервной валюты подкреплено статусом страны-эмитента как сверхдержавы, гарантирующей безопасность государств-союзников. Эмиссия же такой валюты, в свою очередь, снижает издержки на финансирование бюджетного дефицита. Далее авторы делают вывод, согласно которому в том случае, если политика США будет более изоляционистской, снизится и привлекательность их валюты, средства при реализации такого сценария были бы инвестированы в японские иены, евро и китайские юани. Итогом стал бы рост ставок по долгосрочному долгу на 80 пунктов, что было бы эквивалентно увеличению ежегодных платежей (применительно к 2016 г.) на 115 млрд долл. Доллар США обесценился бы на 5%. Авторы сравнивают эти потери с расходами США на зарубежное военное присут-

ствии в 10 млрд долл. в год, приблизительно 70% из которых приходится на расходы на территории Германии, Кореи и Японии (U.S. Senate 2013). Независимая оценка, приводимая там же, существенно выше — 100 млрд долл. в год (Vine 2015).

Одновременно концепция авторов предполагает, что утрата гарантий безопасности, предоставляемых США, усилит глобальную военно-политическую напряженность, что, в свою очередь, вынудит государства увеличить долю более надежных валют в своих резервах, заставив их обратиться к все тем же долларам США. В итоге стремления, с одной стороны, избавляться от долларов в результате утраты американских гарантий безопасности и, с другой — приобретать доллары в стремлении иметь большие резервы, долгосрочные процентные ставки по государственному долгу США все равно увеличиваются на 30 процентных пунктов.

РЕАЛИСТИЧНОСТЬ СЦЕНАРИЕВ УТРАТЫ ВАЛЮТОЙ США СТАТУСА РЕЗЕРВНОЙ В СЛЕДСТВИЕ ИХ НЕСПОСОБНОСТИ ГАРАНТИРОВАТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНИКОВ И ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ СТРАН-ГАРАНТОВ

Последнее утверждение не вполне укладывается в рамки предложенной авторами концепции. В первую очередь крайне неправдоподобным является сохранение привлекательности валюты США при переходе страны к политике изоляционизма. Такой переход может произойти или в результате утраты способности гарантировать безопасность союзников по итогам падения военного потенциала страны, или в результате разрыва с союзниками в результате усиления непреодолимых противоречий. Первое происходит или как итог военного (дипломатического) поражения и изменения глобального баланса сил, или в результате значительной деградации национальной экономики, не позволяющей поддерживать военный потенциал на прежнем уровне. Разумеется, и в том и в другом случае привлекательность в качестве резервной валюты страны, потерпевшей столь тяжкое поражение или погрузившейся в пучину масштабного экономического кризиса, резко снизится. Второе более реалистично и подразумевает постепенное развитие экономических противоречий до уровня, который делает издержки на союзнические отношения неприемлемыми. Однако и тогда, разумеется, стремление к отказу от доллара США как резервной валюты у стран, распавшихся в результате торговых войн союзов, будет опережать отказ от самого союза, который, оставаясь все более формальным

и неэффективным, сможет просуществовать еще достаточно длительное время.

Тем более такая логика выбора резервной валюты очевидна для стран, не состоящих непосредственно в союзнических отношениях с США. Для них причины ухода США с позиций мирового военно-политического гегемона или определяют сокращение интереса к их валюте еще до констатации факта такого ухода, или совпадут с ним в ходе масштабного кризиса, вызванного их военно-дипломатическим поражением.

Принципиально важным является игнорируемый авторами факт последствий отказа США от предоставления союзникам гарантий безопасности. Образовавшийся вакуум будет заполнен или системой региональных союзов или, что на сколько-нибудь длительном временном интервале более вероятно — новым гегемоном. Но поскольку в любом случае речь идет о выборе резервной валюты каждой отдельной страной (а далеко не все страны способны гарантировать свою безопасность самостоятельно), такие гарантии после ухода США будут достаточно быстро получены — или в виде добровольного оформления союза, или под давлением применения или угрозы применения силы с превращением страны в сателлита. Возникает вопрос о связи в этой гипотетической ситуации возможности предоставления военно-политических гарантий и потенциала национальной валюты страны-гаранта. Также следует учитывать тот факт, что если в составе резервов гипотетически в примерно равных долях могут присутствовать валюты государств, противостоящих друг другу, то гарантии безопасности таких государств если и даются одновременно одной стране, то носят характер временного компромисса, завершающегося торжеством одной из противостоящих сил. Рассмотрим ситуацию с потенциальными странами-гарантами в случае гипотетического устранения США, анализируемого авторами.

КНР, несомненно, способна выступать гарантом безопасности, хотя на сегодняшний день способность этой страны, с учетом относительной слабости ее ВМФ, проецировать силу за пределы Индо-Тихоокеанского региона вызывает серьезные сомнения. Тем более затруднительным будет для КНР вести одновременно два крупных военных конфликта на заокеанских театрах военных действий, что является отличительной особенностью военно-технической базы текущего великодержавия США. Военный потенциал Японии имеет сугубо региональное значение и на сегодняшний день достаточен для обороны собственно Японских островов в случае неядерного конфликта.

Военный и технологический потенциал объединенной Европы представляет значительную величину и в перспективе может сравниться с потенциалом США. Однако это всего лишь потенциал экономико-политического, а не военно-политического союза. Органы военного планирования ЕС находятся в зачаточном состоянии, ВПК стран ЕС интегрированы, однако сохраняют национальную специфику, их сотрудничество пока не превосходит аналогичное взаимодействие с ВПК Великобритании (уже покинувшей союз) и США. В целом пока речь может идти об отдельных программах и некоем списке намерений по созданию единого оборонного пространства. При этом по причине существенного различия внешнеполитических интересов за пределами европейского континента не вызывает сомнений способность и готовность интегрированной в некоей неопределенной перспективе военной компоненты ЕС гарантировать безопасность своих членов и ряда соседей по континенту (возможно — в рамках Средиземноморской зоны), однако трудно представить себе готовность союза нести дополнительные затраты на создание потенциала, обеспечивающего возможность глобального проецирования силы.

С другой стороны, авторы не упомянули в перечне валют, способных в рамках их гипотетического сценария потеснить доллар США, британский фунт стерлингов. Это тем более странно, что Великобритания обладает ядерным оружием и мощным, сбалансированным военно-морским флотом (по разным оценкам — вторым или третьим в мире), способным действовать во всех уголках земного шара. Не вполне ясно и отсутствие в списке индийской рупии — с точки зрения проблем с конвертируемостью и свободой движения капитала она немногим уступает китайскому юаню, точно так же, как индийская военная мощь в региональном аспекте несколько, но не радикально уступает китайской. Наконец, совершенно не ясно отсутствие в списке Российской Федерации, экономика которой сильно уступает китайской, японской или общеевропейской, но Вооруженные Силы по своему потенциалу сопоставимы с первыми и превосходят вторые и третьи. С точки же зрения регулирования российский рубль, как минимум, не уступает китайскому юаню. Возможности по предоставлению гарантий безопасности в связи с резервной валютой отражены в *таблице*.

Методом исследования выступает анализ исторического материала, а также современного состояния рассматриваемого вопроса.

Как видим, уже на уровне сценариев концепция авторов становится уязвимой — легко допустить

Таблица

**Возможности предоставления гарантий безопасности в связи с резервной валютой /
Providing security guarantees in connection with the reserve currency**

Страны / Countries	Возможность гарантировать безопасность / Ability to provide security guarantees	Характеристики валюты как резервной / Assessment of a currency as a reserve currency	Роль в глобальной финансовой инфраструктуре / Role in the global financial infrastructure
КНР	Высокая	Низкая	Отсутствует
Япония	Отсутствует	Высокая	Высокая
ЕС	Региональная	Глобальная	Высокая
РФ	Глобальная	Низкая	Отсутствует
Великобритания	Отсутствует	Высокая	Глобальная
Индия	Региональная	Низкая	Отсутствует

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ослабление США и их переход к политике изоляционизма, сопровождающейся сокращением военных расходов (которые, кстати, дадут экономию существенно больше упомянутых 750 млрд долл.). Точно так же легко допустить утрату позиций долларом США в пользу валют других стран с мощной экономикой. Однако в этот ряд никак не встраиваются гарантии военной безопасности, подкрепляющие претензии валют таких государств на статус резервных. Исходя из этого, логичным представляется предположить, что военное доминирование США предопределено теми же экономическими соображениями, что и доминирование их национальной валюты.

Действительно, история США подтверждает данный тезис. С учетом того факта, что США вплоть до оккупации нацистами Франции в 1940 г. не давали даже тайных и размытых гарантий безопасности ни одной европейской стране, да и в Азии эти гарантии распространялись на лишь формально независимые государства (в первую очередь — Филиппины), в которых размещались американские воинские контингенты, «гипотеза Марса» в трактовке, предлагаемой авторами, остается неубедительной. В приводимой ими логической цепочке: военная мощь; гарантии безопасности; наличие резервной валюты — применительно к ситуации США в период с 1875 по 1940 г. первая компонента не всеобъемлюща и не позволяет предоставить вторую (которая, собственно, и отсутствует), однако третья не просто имеет место, но и последовательно усиливается.

Показательным является пример СССР, который очевидным образом обладал и глобальной военной мощью, и крупнейшим (наряду с США) ракетно-ядерным потенциалом, что позволяло ему предоставить

всеобъемлющие гарантии безопасности в любом уголке земного шара. Однако ни одна из этих предпосылок ни в коей мере не предопределяла даже ограниченного интереса к советской валюте.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СОЧЕТАНИЯ ВОЕННОЙ ГЕГЕМОНИИ И ОБЛАДАНИЯ РЕЗЕРВНОЙ ВАЛЮТОЙ

В итоге мы приходим к выводу, что крупная современная экономика, производящая широкий ассортимент продукции, включая высокотехнологическую и интегрированную в мировую торговлю, будет неизбежно обладать или наличной военной мощью, или потенциалом ее создания в сжатые сроки, а также резервной валютой, уже ставшей мировой или способной ею стать. Вопрос, таким образом, сводится к одному: неизбежно ли при достижении военного превосходства, позволяющего стать гегемоном в рамках военного союза, приобретение национальной валютой статуса резервной?

После Второй мировой войны, как справедливо отмечают авторы, безопасность гарантировалась наличием ядерного оружия. Однако из числа двух держав, изначально им обладающих, только одна — США — эмитировала мировую резервную валюту. Великобритания имела резервную валюту до получения доступа к ядерному оружию, популярность французского франка уже с 60-х гг. XX в. уступала популярности западногерманской марки, невзирая на наличие у Франции ядерного оружия и его *отсутствие* у ФРГ. Валюта КНР вызвала в мире интерес спустя полвека спустя после получения страной ядерного статуса. Неофициальные же члены ядерного клуба

на статус обладателя резервной валюты, очевидно, не претендуют.

Вместе с тем трудно отрицать тот факт, что военная мощь и соображения безопасности не могут не служить весомым аргументом и в экономических спорах, и в экономическом сотрудничестве.

Общий вывод авторов о том, что утрата США роли глобального лидера, гарантирующего безопасность многочисленных союзников, привела бы к увеличению американских процентных ставок, не вызывает сомнений, однако открытым остается вопрос о причинах таких изменений. Поскольку, как было показано выше, подобная утрата может быть следствием или масштабных военно-дипломатических поражений, или резкого ухудшения ситуации в национальной экономике, а весьма вероятно — и того и другого одновременно, то оценка авторов представляется излишне оптимистичной. С другой стороны, нет никаких оснований предполагать, что при сохранении экономического и военного статус-кво или его медленной, естественной трансформации США пойдут на резкое изменение своего глобального статуса. Таким образом, нет возможности определить выбор между гипотезами Марса и Меркурия просто потому, что военная мощь базируется на мощи экономической, а ее конфигурация во многом определяется соотношениями обеспечения экономической деятельности.

ГИПОТЕЗА АФИНЫ

И тут мы возвращаемся к проблеме, обозначенной авторами при рассмотрении состояния валютных резервов накануне Первой мировой войны. Представляется разумным задаться вопросом: если связь военного лидерства с ролью валюты как резервной опровергается рядом заметных исключений, что ставит под сомнение «гипотезу Марса» и вместе с тем военно-политический фактор слишком явно присутствует в контексте экономического лидерства, что не позволяет стать и на сторону «гипотезы Меркурия», почему бы не рассмотреть вопросы торговли применительно к военной составляющей, т.е. той торговли (относя к которой и трансграничное движение капиталов), которая обеспечивает военное строительство? Эту гипотезу можно было бы назвать «гипотезой вооруженного Меркурия», но более привлекательным кажется название «гипотеза Афины»⁶.

⁶ Афина Паллада (у римлян — Минерва) — древнегреческая богиня мудрости, покровительница государств как в дни мира, так и во время войны. Это богиня справедливой и разумной войны, в отличие от Ареса (Марса), который покровительствовал войне жестокой и кровавой. Кроме того, эта богиня даровала людям законы, покровительствовала наукам, земледелию и ремеслам.

Суть этой гипотезы заключается в том, что военная мощь базируется на экономическом потенциале, причем если первая превосходит второй, то не является ни устойчивой, ни продолжительной, ни обеспечивающей экономические преференции в международной торговле. Не создает военная мощь и дополнительной инвестиционной привлекательности, включая привлекательность национальной валюты, в том числе в качестве резервной. Исключение, установленное авторами для ракетно-ядерной мощи, является кажущимся, поскольку на практике подтверждается только примером РФ, для которой соответствующий потенциал существенно превышает экономический, однако и в этом случае он не порождает ни тягу к получению от его обладателя гарантий безопасности за счет в том числе и экономических уступок, ни обретение национальной валютой статуса резервной.

Прямая связь военного и экономического потенциала возникает главным образом для обеспечения устойчивой международной торговли и, исходя из этого, особое значение имеет ее военноморская компонента. Сама по себе военная мощь, за исключением случаев очевидного неравенства общего потенциала соседних государств, не способна обеспечить ее обладателю существенных экономических преференций, включая валютные.

На военно-политические союзы и статус валюты как резервной при этом существенное значение оказывает глобальный рынок капитала, формирующий сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей в различных сферах взаимодействия государств. Начиная с периода, предшествующего Первой мировой войне, это взаимодействие распространилось с предоставления займов государству, которое планируется вовлечь в военно-политический союз, на предоставление такому государству возможности максимально широкого доступа к собственным государственным инструментам заимствования. Преференции в этом процессе привлечения и размещения средств действительно в значительной, но не исключительной степени предопределяются военным потенциалом государства, а этот потенциал, в свою очередь, поддерживается за счет операций на глобальном денежном рынке, ограничение доступа к которому с помощью санкций во все большей степени становится важной формой межгосударственного противоборства и способом удержания глобального лидерства.

Таким образом, ни наличие военной мощи, ни способность предоставлять партнерам гарантии

безопасности не определяют обретение национальной валютой статуса резервной. Этот статус обретается в результате контроля за глобальными инвестиционными процессами в самом широком их понимании, в осуществлении которого военная мощь, действительно, играет существенную роль. Однако сама эта мощь как потенция экономического и финансового доминирования является производной от масштабов и уровня развития национальной экономики при ключевом факторе ее глубокой вовлеченности в международную торговлю, в свою очередь порождающей объективную востребованность длительного и устойчивого существования подобной мощи.

Отсюда вытекает и спорность тезисов об априорной выгоде для формирующихся центров силы в виде КНР и ЕС взаимосвязанного распространения своего военно-политического влияния и роли национальных валют, поскольку обе эти цели существуют самостоятельно и в каждом конкретном случае диктуются отдельными соображениями. Это, собственно говоря, подтверждается отсутствием прямой корреляции достаточно резкого укрепления (начиная с середины второго десятилетия XXI в.) военного потенциала КНР с ролью китайского юаня в международных расчетах. Одновременно сокращение военного потенциала ЕС на протяжении первых двух десятилетий XXI в. сопровождалось возникновением евро, не без успеха претендующего на роль резервной валюты.

ВЫВОДЫ

Исходя из этого логичным представляется вывод о том, что в обозримой перспективе, невзирая на усиление своего военного потенциала, КНР не сможет и, вероятнее всего, не будет пытаться существенно повысить статус юаня до уровня резервной валюты, полагая связанные с этим издержки в виде необходимости либерализации финансовой системы неадекватными выгодам. США, в свою очередь, будут еще активнее использовать свое доминирование на рынке капитала и контроль за мировой финансовой инфраструктурой как инструмент сохранения глобального лидерства.

Вероятно, отмеченные взаимосвязи и взаимозависимости все же существуют достаточно обособленно. Так, военная мощь государства учитывается при оценке привлекательности его валюты, хотя, как показывает опыт современной России, отнюдь не является определяющей. Военно-политические союзы оказывают влияние на привлекательность валюты их участников в качестве резервной, однако прямой характер такое влияние приобретает в основном исходя из соображений собственно военно-технического сотрудничества, являющегося отдельной и весьма специфической сферой экономической деятельности. Сама же военная мощь лишь отчасти формируется из соображений межстранового экономического взаимодействия, при этом для последнего особое и почти исключительное значение по-прежнему имеет не ракетно-ядерная, а военно-морская мощь (на сегодняшний момент во многом совпадающие, но не идентичные).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Eichengreen B., Mehl A. J., Chitu L. Mars or Mercury? The geopolitics of international currency choice. NBER Working Paper. 2017;(24145). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24145/w24145.pdf
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. М.: Дело Лтд; 1994. 720 с.
3. Манфред А.З., отв. ред. История Франции (в 3-х т.). Т. 2. М.: Наука; 1973. 658 с.
4. Потемкин В.П., ред. История дипломатии (в 3-х т.). Т. 2: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). М., Л.: ОГИЗ; 1945. 423 с.
5. Луцкий Е.А. История СССР. 1861–1917. М.: ГУПИ МП РСФСР; 1956. 376 с.
6. Сказкин С.Д. и др., ред. Германская история в новое и новейшее время (в 2-х т.) Т. 1. М.: Наука; 1970. 510 с.
7. Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. T. I. Bd. 4: Darstellung der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1900 bis 1917/18. Berlin: Akademie-Verlag; 1967.
8. Мизиано К.Ф. и др., ред. История Италии (в 3-х т.). Т. 2. М.: Наука; 1970. 607 с.
9. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Ленингр. вост. ин-т; 1928. 607 с.
10. Faulkner H.U. American economic history. New York, London: Harper; 1943. 784 p.

REFERENCES

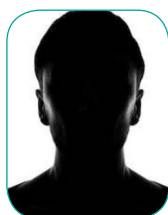
1. Eichengreen B., Mehl A. J., Chitu L. Mars or Mercury? The geopolitics of international currency choice. NBER Working Paper. 2017;(24145). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24145/w24145.pdf
2. Blaug M. Economic theory in retrospect. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. 750 p. (Russ. ed.: Blaug M. Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive. Moscow: Delo Ltd; 1994. 720 p.).

3. Manfred A.Z., ed. History of France (in 3 vols.). Vol. 2. Moscow: Nauka; 1973. 658 p. (In Russ.).
4. Potemkin V.P., ed. History of diplomacy (in 3 vols.). Vol. 2: Diplomacy in modern times (1872–1919). Moscow, Leningrad: OGIZ; 1945. 423 p. (In Russ.).
5. Lutskiy E.A. History of the USSR. 1861–1917. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR; 1956. 376 p. (In Russ.).
6. Skazkin S.D. et al., eds. German history in new and modern times (in 2 vols.). Vol. 1. Moscow: Nauka; 1970. 510 p. (In Russ.).
7. Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. T.I. Bd. 4: Darstellung der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1900 bis 1917/18. Berlin: Akademie-Verlag; 1967.
8. Miziano K.F. et al., eds. History of Italy (in 3 vols.). Vol. 2. Moscow: Nauka; 1970. 607 p. (In Russ.).
9. Romanov B.A. Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the history of the foreign policy of the autocracy in the era of imperialism. Leningrad: Leningrad Oriental Institute; 1928. 607 p. (In Russ.).
10. Faulkner H.U. American economic history. New York, London: Harper; 1943. 784 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Михаил Юрьевич Алексеев — доктор экономических наук, профессор, декан Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
Mikhail Yu. Alekseev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
mikh.alekseev@gmail.com

Павел Алексеевич Коляндра — кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия
Pavel A. Kolyandra — Cand. Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Senior Lecturer, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Борис Михайлович Ческидов — доктор экономических наук, Финансовый университет, Москва, Россия
Boris M. Cheskidov — Dr. Sci (Econ.), Financial University, Moscow, Russia
state2017@icloud.com

Заявленный вклад авторов:

Алексеев М.Ю. — постановка проблемы, разработка концепции статьи, критический анализ литературы.

Коляндра П.А. — сбор статистических данных, представление результатов.

Ческидов Б.М. — описание результатов и формирование выводов исследования.

Authors' declared contribution:

Alekseev M. Yu. — statement of the problem, development of the concept of the research, critical analysis of the literature.

Kolyandra P.A. — collection of statistical data, presentation of results.

Cheskidov B.M. — description of the results and formation of conclusions of the study.

*Статья поступила в редакцию 15.04.2021; после рецензирования 29.04.2021; принята к публикации 27.08.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

The article was submitted on 15.04.2021; revised on 29.04.2021 and accepted for publication on 27.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.